

Н. Благова

Лексика документов Кольского уезда и материальная культура поморов XVI—XVII веков

«Значение лингвистики для антропологии и истории культуры давно уже признано... Язык приобретает все большую цену в качестве руководящего начала в изучении культуры. В известном смысле система культурных моделей той или иной цивилизации фиксируется в языке, выражающем данную цивилизацию», — писал Э. Сепир¹.

Большую роль в познании целостной картины мира того или иного этноса играют памятники письменности, фиксирующие хозяйственную, экономическую, социальную, правовую, культурную, бытовую сферы жизнедеятельности. Подобного рода документальные тексты создавались в различных регионах страны, однако до сих пор многие памятники не исследованы в лингвистическом аспекте.

К таким памятникам деловой письменности следует отнести и документы, касающиеся Кольского полуострова и созданные на его территории.

Исторические свидетельства о жизни Кольского края относятся главным образом к XVIII—XX векам. Это этнографические заметки путешественников, ученых, приезжающих на север для знакомства с бытом и культурой местного населения.

История заселения Кольского полуострова (южной его части, так называемого Терского берега) известна по сохранившимся летописным сводам, из коих следует, что «предприимчивые новгородцы уже в первой половине XI века проникли на Белое море... В XIII веке Кольский полуостров под названием "Тре", наряду с другими северными землями, уже официально входил в состав владений Новгородской феодальной республики на правах особой волости, то есть даннической территории»².

Первые поселения представляли собой летние становища, обитаемые лишь в период охоты и морского промысла. Сезонный характер пребывания русичей в приполярных и заполярных землях тормозил складывание культурных, образовательных, духовных традиций.

Постоянные русские поселения на всей территории полуострова, по утверждению историков, начали создаваться в конце XIV — начале XV века. О том, что представлял в хозяйственном и культурном отношении Кольский край того времени, свидетельствуют документы. Часть документов опубликована в сборнике грамот Коллегии экономии³. В нем помещено сорок четыре текста, касающихся Кольского уезда. Документы разнообразны в жанрово-содержательном отношении: грамоты данные, жалованные, проезжие, купные; выписи, памяти, купчие, меновные записи, закладная кабала, роспись, указы, челобитные, а также оброчная, описная, отдельная, переписные, писцовые и ревизская книги.

Большинство документов относится к монастырям — Троицкому Печенгскому, Пертоминскому, Воскресенскому Истринскому, Антониеву Сийскому, Крестному. Большая часть, в том числе старейшие — жалованная грамота Ивана IV 1556 года, «Грамота с "прочетом" царя Ивана Васильевича к Мурманскому морю даньщикам» 1581 года, апреля 16 и другие — принадлежат Троицкому Печенгскому монастырю и закрепляют за ним владения в Кольском уезде.

Среди документальных памятников XVIII века представлены переписные (ревизские) книги Архангелогородской губернской канцелярии, с указанием топонимов и списка жителей. Так, в книге 1748 года перечислено 208 душ (в перечень вошли все лица мужского пола в возрасте от полугода до 75 лет). Приведенный отрывок указывает на специфический характер географических названий и типичность антропонимов северян: «В селе *Поное* крестьянь: написанной в прежнюю перепись: (№ 1268) *Якимъ Русиковъ*... у него сынъ, рожденной после переписи, (№ 1269) *Алекѣи*, у него жъ *Якима* племянникъ, написанной в прежнюю перепись, (№ 1270) *Егоръ*... у Егора сынъ, рожденной после переписи, (№ 1271) *Михаило*...» (стлб. 592). В конце документа указано: «Итого въ *Еконскомъ* погосте... четыре, рожденныхъ после переписи пять, всего девять душъ. В *Семиостровскомъ* погосте умершаго *Петра Маркова* сынъ, рожденной после переписи... За Воскресенскимъ монастыремъ в селе *Поное* крестьянь, а в погостах Лопареи по росписанию: ис прежней переписи сорокъ четыре, рожденныхъ после переписи шестьдесятъ, всего сто четыре души. *Кольского* острога воевода *Алекѣи Скорятинъ* — Подканцеляристь *Карпъ Толстиковъ*» (стлб. 605, 607).

Таким образом, адресный ареал памятников свидетельствует: хозяйственная жизнь края была сосредоточена в небольших поселениях, а экономическое развитие и духовная жизнь осуществлялись прежде всего через монастыри.

Язык как аккумулятор человеческого опыта раскрывает информацию благодаря лексико-семантическим изысканиям.

В грамотах представлена разнообразная и вместе с тем ограниченная в тематическом отношении лексика. Ее составляют ономастикон, этнографизмы, топонимика, экономическая, административная, церковная, юридическая терминологии, бытовизмы. Проиллюстрируем подобные наблюдения следующими отрывками из грамоты 1556 года: «Се язъ царь і великіи князь Иванъ Васильевичъ... пожаловаль есмя нашего царскаго богомоля, от Студенаго моря окияна с Мурманскаго рубежа, Пресвятыя і Живоначалныя Троица Печенскаго монастыря ігумена Гурия з братією... что намъ билъ челомъ игумен Гуреи, а сказал: Печенской-де монастырь... на україне, блиско рубежа Мурманскихъ і Кальянскихъ немецъ, а пашни-де у нихъ около монастыря нѣтъ, а питаются-де они нашимъ жалованіемъ, милостынею і морскими рыбными промыслами, что дали имъ в домъ... новокрещеная Лопь старецъ Логинъ Мороковъ з дѣтми... в Мотоцкой губе рѣчка Ура Большая, да рѣчка Ура Меншая, что были Урскихъ лопареи, три луки с рыбными ловлями, с тонями и з гаровными мѣсты, и с верхотинами, і с озерки і з бобровыми і звѣриными ловлями...» (стлб. 438—439); «...А нынѣ у них в монастырѣ братіи и мирских людеи прибыло много, і им-де монастыри строити и самимъ питатися нѣчимъ, потому что у них индѣ нигдѣ... вотчинъ і пашенных земель нѣтъ... рыбных ловель у нихъ не отнимать и ни в чемъ имъ обидъ и насилства не чинить...» (стлб. 440).

Если исходить из постулата «язык составляет первую и необходимую ступень, откуда можно проследить развитие народа в направлении его прогресса»⁴, при лексико-семантическом анализе памятников письменности возможно воссоздать достаточно объективную картину общественно-го развития этноса.

В словарном составе мурманских документов XVI—XVII веков как наиболее частотные выявляются семантические поля «промысел», «хозяйственные строения», «населенные пункты», «население», «оброк».

Самым объемным по числу и особому характеру номинаций является поле «промысел», в пространство которого входят группы с гиперонимической семой 'объект промысла', 'место', 'орудие', 'способ', 'субъект промысла (названия профессий)'.

Об объектах промысла жителей Кольской земли свидетельствуют грамоты, где частотными лексическими единицами являются *морские рыбные промыслы, рыбные ловли, звериные ловли*, а также словосочетания: «Да на той же Керети *промышляютъ жемчугъ*» (стлб. 443); «Да того жъ Поноиского погоста жильцы и Двиняня и Колмогорцы и Заонеженя и Сумляня и из иныхъ Поморскихъ волостей ходять в весне на море и *зверь бьютъ* всякой и из нихъ *вынимаютъ сало* и продають...» (стлб. 525—

526); «А Семиостровские-де Лопари... *зверѣи бьютъ и кентуютъ*» (стлб. 527); «Да в техъ же усольяхъ живутъ прихожие люди из ихъ же Соловецкого монастыря вотчины из иныхъ волостей и работаютъ по найму, *секутъ дрова и соль варятъ...*» (стлб. 537); «...*Лес плавят* всеи волостью» (стлб. 450); «В Керетцкой жъ волости на Пулонскомъ озере тутошние жыльцы и прихожие люди промышляютъ, *слюду бьютъ* в каменныхъ горахъ» (стлб. 467). Объектом промысла становился также *вымет*: «коли выкинет морем кита или моржа или иного какого морского зверя» (стлб. 440). В приведенном ряду большинство лексем — общерусские, широко известные и активно функционирующие на различных территориях Московской Руси. Глагол же *кентовать* в значении ‘обрабатывать рыбу, морского зверя’ и субстантив *вымет* — ‘выброшенные на берег морские животные’⁵ — имели северное происхождение, зафиксированы в документах Беломорья и в сибирских памятниках XVII века⁶, где отражаются особенности северного (и более древнего — новгородского) диалекта, складывавшегося в результате освоения зауральских территорий русскими северными землепроходцами и промышленниками.

Таким образом, главным промыслом русскоязычных жителей Кольской земли была рыба: *красная рыба семга, треска (троска), палтас (палтос)* (стлб. 498 и др.). Все названия — поморские диалектизмы, номинирующие виды рыб, обитающих в северных бассейнах и в силу своих вкусовых качеств и больших размеров являющихся главными рыболовными объектами. Именно они подлежали налогообложению, размер которого зависел от количества улова: «А давати имъ царю и великому князю в казну с тѣхъ своихъ дворовъ... оброку по осми алтынъ и по двѣ деньги на годъ со всякого двора... а тотъ на нихъ оброкъ положень с ихъ дворовъ и з животовъ и с промысловъ за сошнои окладъ; а розводити имъ тотъ оброкъ промежь собя самимъ по своимъ животомъ и по промысловъ» (стлб. 444). Именно эти породы рыб остаются объектами промысла на Кольском Севере и в настоящее время, а их названия приобрели статус общеупотребительных слов русского литературного языка.

Морским рыбным промыслом коляне имели право заниматься в строго определенных местах, называемых *тонями*: «А Воскресенского монастыря к вотчине к Поною владѣтъ *тонями* і рѣчками по Сосновскому берегу...» (стлб. 538). Из контекста явствует, что *тоня* — ‘рыболовный участок в море или заливе для ловли ставными сетями’ — находилась в частной или монастырской собственности и нередко служила предметом купли-продажи. Широко распространенный на Севере, этот термин — один из самых частотных в анализируемых документах — в современной речи активно функционирует, номинируя места, пригодные для рыбной ловли⁷.

В жалованных грамотах, присылаемых монастырям из Москвы, рыболовные участки нередко обозначены метонимически: «а по тѣмъ-де жалованнымъ грамотамъ велѣно имъ владѣть *рыбными ловлями*... и всякими того Печенского монастыря угодыями» (стлб. 492) — грамота царя Алексея Михайловича 1675 года, июня 15, подтверждала ранее выданные Троицкому Печенгскому монастырю грамоты на владение тонями. Участки для ловли крупной рыбы, в основном семги, именовались термином *гаровное место* (от *гарва* — сеть для ловли крупной рыбы): «...А питаются де они... морскими промыслами, что дали имъ в домъ... в рекѣ в Нявдемѣ рыбные ловли четверть лука с тонями и з *гаровными месты*...» (стлб. 438).

В документах зафиксированы из наименований орудий промысла лишь рыболовные снасти: «...Да у нихъ же суды учебные, а ездять в нихъ на море... рыбы ловить *подольниками* и *удами*...» (стлб. 498); «Да на другой стороне за рекою пониже забора ловили рыбу *неводом*» (стлб. 520); «десятую рыбу семгу со всякихъ ловцовъ... и с *харовъ*⁸... и с речныхъ заборовъ, и с *переметовъ*... хто сколько ни уловить...» (стлб. 832), «Ловят красную рыбу... на тоняхъ *сетми* и *неводы*» (стлб. 525). Из представленных в ряду лексем общерусскими номинациями являются *сеть*, *невод*, *уда*. Слова *перемет*, *подольник*, *гарва* (*харва*) как наименования рыболовных снастей имели территориально ограниченную сферу употребления: они зафиксированы в памятниках северных территорий. О значении этих слов можно судить по сохранившимся преданиям, описанию этнографов или свидетельствам иностранных источников: *подольник* — ‘a long line with which they take flounders’ (длинная леска, которой ловят палтусов, по-английски спиллер)⁹; *перемет* состоял либо из веревки или жерди с привязанными крючками, опускавшихся на дно реки, озера, либо длинной сети, которой перегораживали участок моря, реки; *гарва*¹⁰ — ‘ставная сеть для ловли крупной рыбы’: «Море наше, где ни возьми, везде с рыбой, везде, стало быть, с добычей. Разноты тут большой не видать: у нас вон *переметами* рыбку-то ловят, а здесь, вишь, *харвами*. Присмотришься ко всему этому, так то же самое и выйдет...» — толкуют старики-коляне (временно расселившиеся по ближним поморским селениям берегов Корельского и Терского)¹¹. Именно такие сети устанавливались на особых водных участках — гаровных местах.

К наименованиям способов добычи рыбы относились *забор*, *поездование* (*поезд*): «А в реке Керети ловля красная рыбы семги, ловять двумя *заборами* всюю волостью» (стлб. 443). *Забор* представлял собой деревянную изгородь, которой перегораживали реку; *поезд* (*поездование*) — ряд сетей, которые попарно тянули за веревки рыбаки, двигаясь на лодках друг за другом вдоль реки¹².

Агентивные субстантивы анализируемых памятников, входящие в семантическое пространство «промысел», номинируют, с одной стороны, социальный статус лиц, с другой — хозяйственно-промысловый. В данной группе обозначился микрогипероним *промышленные люди (промышленники)*, к коим относились (в зависимости от вида деятельности) такие номинации, как *слюдные промышленные люди, слюдные промышленники* (стлб. 486); *солоньяры, дровосеки, кожевник, колачник, котельник, кузнец*. Например: «Да в Колском же остроге с *слюдных промышленных людей*... во 142-мъ году собрано на насъ девять пудъ... А как Соловецкого монастыря старцы учнуть имати на насъ с *слюдных промышленников* десятую слюду...» (стлб. 486); «Дворъ пусть Онашки *колачника*... место пусто Иванка *котельника*» (стлб. 460); «...Дв. Соловецкого монастыря, а в немъ живутъ старцы и слуги и бобыли и *солоньяры* и *дровосѣки*» (стлб. 466).

Наибольшей частотностью отличались наименования рыбопромысловых профессий: *рыболов, кормицк* — ‘рулевой на судне (корме)’, *носник* — ‘рулевой на судне (носу)’, *оснач* — ‘шестовой (гребущий веслом) на судне’, *гребец* и некоторые другие. «А... судовъ и *кормициковъ* и *гребцовъ* у нихъ имать не велено жъ» (стлб. 503); «...И с *кормициковъ* кормового и с *носниковъ* носового и с *осночей* рядовыхъ поголовного и шестового... мытовъ и перевозовъ и мостовщины... нигдѣ не имать» (стлб. 511).

В данной группе номинаций преобладает общерусская лексика, подтверждающая выводы историков об освоении края людьми, хорошо знакомыми с рыбным промыслом.

Кроме рыбных промыслов и добычи морского зверя местное колониальное население осваивало и другие виды хозяйствования, необходимые для обеспечения жизнедеятельности края. О них можно судить по номинациям семантического поля «хозяйственные строения»: «В Керетцкой лукѣ по морскому берегу и в ухажаехъ и на лѣших озерахъ... *анбарь* Сенки Пирожникова... *струбъ* Лисицынской, *мельницы* оброчные... оброку з году на годъ гривна» (стлб. 447); «*дворишко варничное с варницей*» (стлб. 449): «Всего Керетцкихъ и Чупскихъ и Черные реки в живее сорокъ четыре *варницы*», с них брали оброк, если «весь год топится, четыре гривны московские», если варницы работали только летом, то «две гривны московские за полгода» (стлб. 447). В одной из грамот встречается диалектизм: «...В Нядемѣ... два анбара с погребом да *ския*» (стлб. 499) — так коляне называли специальный амбар для хранения соленой рыбы.

Судя по преобладанию общерусских названий, представленных в данном семантическом поле, этот вид хозяйственной деятельности практически не имел каких-либо местных отличий, распространялся переселенцами на основе их прежнего опыта, однако с учетом особенностей местных условий.

В документах нашли отражение и наименования населенных пунктов; среди них — древнейшие восточнославянские и собственно русские лексемы: *волостка, вотчина, погост, село, село, стан (становище), усолье*. Древнейшие села края формировались на Терском (южном) берегу полуострова: «...Пришед Мурманѣ воиноу въ 500 человекѣ, в бусах и въ шнеках, и повоеваша въ *Арзуги*¹³ погость Корильский и в земли Заволочкои погосты...» — записано в I Новгородской летописи под 1418 годом¹⁴. На территории под названием *Larria* (на древней скандинавской карте полуострова) обозначено около 30 поселений, из них крупных сел немного: *Ombau* (Умба), встречающееся также в письменных источниках XV века, *Pouonga* (Поной), неоднократно упоминаемое в анализируемых документах, *Warsuga, Kandalos* (Кандалакша) и некоторые другие¹⁵.

Словами с размерно-оценочными суффиксами авторы текстов называли небольшие по численности селения. Например: «*Керетцкая волостка мѣстечко невеликое... всего во всѣхъ нашихъ трехъ четвертяхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ тритцать дворишковъ и кормятца на море всякимъ промысломъ своимъ трудомъ*» (стлб. 485); «...*Жалованная грамота... в случившейся въ 1743 году декабря 18 дня в монастырскомъ Устье-Онѣжскомъ селце пожаръ... згорѣла*» (стлб. 586).

Метонимической номинацией является термин *усолье* в значении ‘небольшой временный населенный пункт’: «В Чюпскомъ *усолье* четыре избы; поставлены для приходу работныхъ людей...» (стлб. 536); «Да в тѣхъ же *усольяхъ* живутъ прихожие люди из ихъ же Соловецкого монастыря вотчины из ыныхъ волостей и работаютъ по найму... соль варять лѣтъ по пяти и десяти переходя і з женами и і з детми» (стлб. 537).

Чаще других наименований поселений встречаются в документах XVI—XVII веков термины *погост* и *стан (становище)* со значениями, типичными для общерусского употребления: *погост* — место поселения; в грамотах и писцовых книгах неоднократно упоминаются Семиостровский, Еконский, Каменский, Лунданский, Тулванский, Пурнацкий и другие погосты. *Стан (становище)* — ‘поселение на берегу для сезонного проживания промысловиков’.

В писцовой книге 1608 года в качестве номинации места проживания указано словосочетание *дворовое место*: «*Мѣсто дворовое* Конашевское пониже мелничного мѣста... ныне то мѣсто пусто... по Алаеву письму Михалкова да подьячего Нечая Кренева... платити впредь с того *дворового мѣста*... в государеву казну оброку по десяти денегъ на годъ за пусто, что сѣють на томъ огороде рѣпу (стлб. 471). Перечень пустующих дворовых мест в документе свидетельствует, что на полуострове была распространена не только общинная, но и хуторская система хозяйства, разру-

шающаяся в силу суровых климатических условий и «скудости почвы». Однако большие по количеству поселения не только не сокращались, но постепенно развивались и богатели. Доказательство тому — все увеличивающийся размер оброка, взимаемого с местного промыслового населения по специальным указам Московских царей.

Центром края постепенно становился Кольский *острог*. Здесь находилась местная администрация. Один из документов содержит подпись: «Колского *острога* воевода Алексѣй Скорятинъ» (стлб. 591).

Письменные источники содержат и административную лексику — номинации местного административного деления. Все названия — общерусские: *волость, уезд, провинция* (с XVIII века): «В Колскомъ уѣзде четверть *волости* Керети Соловецкого монастыря вотчины...» (стлб. 541); подтверждается мнение историков о том, что в этот период «весь Кольский полуостров оказался под властью Москвы»¹⁶.

Пространство семантического поля «население» занимают группы с антонимичными семами ‘местный — пришлый’, ‘постоянный — временный’, ‘свой — чужой’, а также сема ‘сословный’.

Местное, коренное население края обозначено в документах словом *лопарь* (*лопь, лопин*): «Се язъ Дмитреи Новзуюевъ сынъ, новокрѣщенной *лопинь* Терской Нохкуевской, заняль еси у свящѣнника у Поноиского... пять рублей... А заложилъ еси угодые... чимъ язъ Дмитреи владель межтѣми *Лопари* в рѣки в Понои...» (стлб. 463), «...Что дали имъ в домъ Живоначальные Троицы в Печенской монастырь новокрещеная *Лопь* старецъ Логинъ Мороковъ з дѣтми... да Мотоцкие *лопари* Кирило Ермолинъ да Онтонъ Спиридоновъ» (стлб. 437). Единого терминологического этнонима для наименования переселенцев в документах не зафиксировано; очевидно, оно отсутствовало в русскоязычной речи. Название *поморянин* относилось к жителям не только Терского берега, но и Беломорья в целом.

По признаку оседлости номинации антонимичны: *тутошние жильцы* и *приезжие* (*прихожие*) *люди*: «Да в Керети жъ в рекѣ *тутошние жильцы* и *приезжие люди* промышляють жемчюгъ...» (стлб. 454); «В Керецкой жъ волости на Пулонскомъ озере *тутошние жильцы* и *прихожие люди* промышляють, слуду бують... и у *прихожихъ людех* емлють они оброкъ в волость» (стлб. 455).

Если для именованя «своего» русского населения нет гиперонима, то «чужих» именовали лексемами *немец, немецкие люди*. Контексты позволяют считать этот этноним обозначением всех скандинавских народов, приходивших на Кольскую землю с разными целями. Например: «Печенской-де монастырь на Студеномъ море окіане, на украине, блиско рубежа Мурманскихъ и Кальянскихъ *немецъ*» (стлб. 437); «...Пожалованы Пе-

ченского монастыря игумень с братьею, для приходу *Немецкихъ людей*, велено имъ строить монастырь в Колскомъ остроге...» (стлб. 503).

В социальном отношении население Кольского края составляли имущие и неимущие слои населения: *посошные люди (крестьяне, бобыли), лодейные казаки, монастырская братия*, а также *наемные люди (покрученники)*: «...И не тянути имъ с тѣхъ своихъ рыбныхъ ловель... с Колскими и иныхъ Поморскихъ волостей с *тяглые* нашими *крестьяны* ни в которые розметы и протори...» (стлб. 441); «А в Керети жь дворы *бобыльские*... а промышляли тѣ люди в варницахъ, дрова сѣкли, а лѣтомъ ходили на море на судѣхъ *наимуючись*» (стлб. 452); «...И с удебныхъ судовъ на море, и с *покрученниковъ* отпуску, дани и оброковъ имать на нихъ не велѣно...» (стлб. 500). В записях упоминаются *лодейный найм, люцкой покрут* (стлб. 465).

Анализ сословных номинаций позволяет представить социальный состав жителей Кольской земли. В текстах грамот встречаются лексические единицы, которые номинировали только лиц, проживающих на этой территории. Как наиболее частотные выявлены:

— наименования церковных сословий: *архимарит, игумен, поп черной, братия, старец, пономарь, дьячек, монастырской приказчик, слуги монастырские, служки монастырские, келарь, казначеи, пономарь, строители, наместник, служебники, иеромонах, подворник, дворник, пономарь, староста, соборный иеродиакон, дети, детеныши, трудник*. В этом ряду следует выделить слово *трудник*, как церковная номинация не отмеченное словарями древнерусского языка. В. Далем оно квалифицировано в значении ‘сподвижник по обету, отшельник, обещаник’ как новгородский диалектизм. Номинациям церковного сословия антонимично сочетание *мирские люд*;

— названия трудовых сословий, обязанных платить оброк: *крестьяне, тяглые крестьяне, работные люди*: «...Не тянути имъ с тѣхъ своихъ рыбныхъ ловель і со всякихъ промысловъ с *Колскими* и иныхъ поморскихъ волостей с *тяглыми* нашими *крестьяны* ни в которые розметы і протори і в земское тягло» (стлб. 441). Сюда же следует отнести термин *даницик* — ‘тот, кто платит подать, пошлину’: «Да в рекѣ жь в Керети ловить рыбу *даницикь* Сенка Ондроновъ да сынъ его Иванко» (стлб. 454); «...И с *работныхъ людей*, которые на тѣхъ судѣхъ ходять, головные явки... нигдѣ имать не велено» (стлб. 493);

— наименования «служилых людей», находящихся на «государевой службе». В документах имеют место соответствующие номинации: *воевода, выборные головы, стольник, сын боярской; десятичники, зборщици, пошлинники; подьячеи, подьячие люди, приказные люди, деловые люди*,

приставы, судные целовальники, таможенные целовальники, таможенники; подканцелярист; ратные и посошные люди, стрельцы, казаки — ‘служилые люди, несущие сторожевую службу по найму’. Например: «Такъ же и к городовому дѣлу имъ в Колскомъ остроге *стрельцовъ* и *казакъ* и *дѣловыхъ людей* давати не велено жъ, а коли случится городовое или острожное дело, і имъ давати шесть человекъ *дѣловцовъ* со всѣхъ своихъ угодеи» (стлб. 503)¹⁷.

Таким образом, документы указывает на то, что основное русское население края в XVI—XVII веках составляли обитатели монастырей, крестьянское сословие, наемные работники, представители администрации. Для Кольской земли этого времени характерны миграционные процессы. В документах не зафиксировано постоянного нахождения в крае знатных и богатых людей.

Лингвистическое изучение письменных памятников Кольского уезда XVI—XVII и отчасти XVIII века позволяет сделать вывод об активном освоении полуострова русскоязычным населением. Здесь складывается новая этносоциальная общность, не просто осваивающая северную территорию, но и создающая полноценную данническую область с развивающейся материальной культурой. Хозяйственная и общественная жизнь на Кольской земле имела свою специфику, обусловленную особыми географическими и климатическими условиями, а также тем, что этот край относится к территориям позднего вторичного заселения. Так как местное русское население формировалось за счет переселенцев из достаточно развитых областей, в языке местного этноса на лексико-фразеологическом уровне слабо выражены диалектные черты; диалектизмы носят этнографический характер.

---

¹ *Сепир Э.* Положение лингвистики как науки // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1965. С. 232—233.

² *Ушаков И. Ф.* Избранные произведения: в 3 т. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1997. Т. 1. С. 31, 34.

³ Далее в круглых скобках указан столбец по этому источнику.

⁴ *Гумбольдт В.* О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человеческого рода // Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков / сост. В. А. Звегинцев. М.: Учпедгиз, 1956. С. 71.

⁵ *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 2. М., 1975. С. 222.

⁶ *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 7. М., 1980. С. 113.

⁷ *Меркурьев И. С.* Живая речь Кольских поморов. Мурманск: МОИПКРО, 1997. С. 148.

⁸ Ошибочное написание слова *гарва*.

⁹ *Русско-английский словарь-дневник* Ричарда Джемса (1618—1619 гг.) // Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI—XVII веков. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 307.

¹⁰ *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 4. М., 1977. С. 11.

¹¹ *Максимов С. В.* Год на севере // Максимов С. В. *Избранные произведения*: в 2 т. М.: Художественная литература, 1987. Т. 1. С. 180.

¹² *Ушаков И. Ф.* Указ. соч. С. 20—21.

¹³ Современное село Варзуга в Терском районе.

¹⁴ *Новгородская* первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 411.

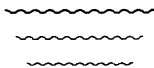
¹⁵ *Ушаков И. Ф.* Указ. соч. С. 10.

¹⁶ Там же. С. 43.

¹⁷ Подробнее о названиях жителей Кольского края см.: *Благова Н. Г.* Наименования жителей Кольского уезда в грамотах XVI—XVII веков // *Русское слово в историческом развитии (XIV—XIX века)*. Вып. 3. СПб., 2007. С. 9—14.

Источник:

Сборник грамот Коллегии экономии. Т. 2: Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольско-Мезенского и Важского уездов / ред. А. И. Андреев. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. 896 стлб.

VII

Переводы

